

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания**

**Научный семинар
«К 180-летию со дня рождения Августа Лескина»
МГУ 10 декабря 2020**

МОСКВА — 2020

Программа выступлений

Раздел I. Об Августе Лескине и его трудах

1. Райнер Эккерт (Берлин). По поводу издания писем А. Лескина К. Бругманну в восьмидесятих годах XX века.
2. Оксана Анатольевна Волошина (МГУ). Шлейхер и Лескин: почерк учителя в текстах ученика (эпизод из истории науки о языке)

Раздел II. Балтистика, славистика и языковые контакты

1. Анна Владимировна Дыбо (Институт языкознания РАН). Ранние тюрко-славянские языковые контакты
2. Константин Геннадьевич Красухин (Институт языкознания РАН). Балто-славянское и греко-арийское ударение: сходства и различия.
3. Лариса Алексеевна Чижова (МГУ). Классификация основ русского глагола.
4. Алексей Викторович Андронов (СПбГУ). К вопросу о фонологизации переноса ударения по закону де Соссюра.

Раздел III. Об индоевропейских языках и их проблемах

1. Алексей Михайлович Белов (МГУ). Древнегреческий глагол *πίπτειμι* в свете ларингальной и неларингальной гипотез.
2. Крейг Мелчерт (Карборо, Северная Каролина). Илья Сергеевич Якубович (Институт Востоковедения РАН). Новые глаголы силового воздействия в лувийских клинописных текстах.

Начало в 10:00

Регламент выступления — 20 мин.; обсуждение — 5 мин.

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Райнер Эккерт (Берлин)

По поводу издания писем А. Лескина К. Бругманну в восьмидесятих годах XX века

Посвящается светлой памяти
коллеги д-ра Герхарда Шлимперта

I. Вступление

В 1870 году Август Лескин был назначен экстраординарным профессором славянских языков в Лейпцигском университете – почти 30 лет спустя после создания первой славянской кафедры в Германии в 1841 году в г. Breslau (Вроцлав). В Лейпциге Лескин развернул энергичную деятельность в области славистики, балтистики и индоегерманистики, став одним из основоположников младограмматической школы. За сорок с лишним лет работы Лескина Лейпциг стал одним из ведущих мировых центров индоевропейского языкознания. Глубокие традиции в области славяноведения и балтистики, основанные Лескином в городе международных торговых встреч, в 20-е годы еще некоторое время продолжали Макс Фасмер и Георг Геруллис.

Мне довелось с 1961 по 1979 год работать в Лейпцигском университете (с 1971 года в должности профессора русского языка). Я вел теоретические курсы по русскому языку и по другим славянским языкам, занимался литовским. Моя исследовательская работа была посвящена изучению именных основ в истории славянских и балтийских языков (основы на *-ŷ-, *-ĭ- и консонантные основы, а также следы индоевропейских гетероклитических основ в славянском и балтийском).

Впоследствии в течение десяти лет я был руководителем Отделения славистики, балканистики и финно-угроведения в Институте языкознания АН ГДР в Берлине.

Выдающийся историк литовского языкознания Альгирдас Сабалиускас отмечает, что, после Лескина, литуанистика в Лейпцигском университете оживилась, когда там с 1961 по 1979 год профессором работал Райнер Эккерт. С его переходом в Берлин, однако, продолжателя этого направления не нашлось¹.

¹ Algirdas Sabaliauskas. Žodžiai atgyja. Trečias papildytas ir pataisytas leidimas, Vilnius 2000, c. 27.

Многочисленные и драгоценные нити меня связывают с яркими традициями в истории языковедения моей родной страны. Личность Августа Лескина здесь занимает особое место.

Как-то в начале моей работы в Берлине в один прекрасный день ко мне явился др. Герхард Шлимперт, специалист по славянской ономастике, и неожиданно для меня предложил мне вместе с ним издать письма Лескина к его другу проф. Карлу Бругманну. Я с большой радостью согласился принять участие в этой замечательной инициативе.

II. К исследованиям д-ра Шлимперта о Лескине

Еще в студенческие годы в Лейпциге Г. Шлимперт заинтересовался жизнью и деятельностью Лескина. У проф. Рудольфа Фишера он написал о Лескине дипломную работу². Позже им была опубликована статья о Лескине и об основании кафедры славянских языков в Лейпцигском университете³. В ней он подробно освещает длительную борьбу, предшествовавшую этому знаменательному событию, с которого, собственно, начинается история Лейпцигской славистики. Неслучайно крупнейший славист того времени, проф. Франц Миклошич, в качестве первого кандидата на новую кафедру предложил Августа Лескина, который в эти годы был экстраординарным профессором санскрита и сравнительного языковедения в Йенском университете. Патриарх Лейпцигского университета, проф. Г. Курциус, подчеркнул в своем отзыве огромные заслуги Лескина в преподавании греческого, латинского, литовского и славянских языков.

Г. Шлимперт упоминает тщательную подготовку Лескина к работе в Лейпциге. Он основательно занимался славянскими и балтийскими языками у А. Шлейхера, некоторое время изучал сербо-лужицкие языки в Будышине. Шлимперт цитирует большой отрывок из письма, написанного Лескином непосредственно после смерти Шлейхера в 1868 году. Письмо с необыкновенной откровенностью отражает его близкое личное отношение к учителю.

Шлимперт обстоятельно описывает всю ученую биографию Лескина, из которой ниже укажу только некоторые моменты.

Начав работу в Лейпциге в 1870 году, ординарным профессором Лескин стал лишь 7 июля 1876 года. Несмотря на несколько приглашений в другие университеты, он оставался верным Лейпцигской кафедре до конца своей жизни. В обширную программу его учебной деятельности входили лекции по сравнительной грамматике славянских языков, по отдельным славянским языкам, особенно южнославянским, по древне-церковнославянскому языку, по народной поэзии славян и по истории

2 См. Diplomarbeit „August Leskien, erster Ordinarius für slawische Philologen der Universität Leipzig“, Лейпциг 1954 г.

3 Gerhard Schlimpert. August Leskien und die Gründung des Lehrstuhls für Slawische Sprachen an der Universität Leipzig // Beiträge zur Geschichte der Slawistik. Herausgegeben von H.H. Bielfeldt und K. Horálek. Berlin 1964. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, № 30, с. 226/238.

лужицкой литературы. Кроме того, он был крупнейшим специалистом по балтийским языкам, преподавал литовский, а также вел занятия по албанскому языку. Лескин являлся одним из директоров Института индогерманистики (возглавлял славянское и балтийское направление) – вместе с К. Бругманном (греческий, итальянские языки) и Э. Виндишем (санскрит).

Деятельность Лескина в Лейпциге ознаменовала период замечательного расцвета сравнительно-исторического языкознания в Германии и особенно в Лейпцигском университете. Вместе с Бругманном и с такими их соратниками как Виндиш, Дельбрюк и Курциус Лескин принадлежит к плеяде Лейпцигской младограмматической школы, славившейся во всей Европе.

В конце своего историко-лингвистического исследования Шлимперт обращается к эпистолярному наследию великого ученого, что имеет непосредственное отношение к нашей тематике. Он упоминает свои личные встречи с невесткой Лескина, госпожой др. Марией Лескин (Dr. Marie Leskien) в Западном Берлине в 1954 году. От нее он узнал о том, что свое письмо о Шлейхере в декабре 1868 года из Гёттингена Лескин адресовал одному близкому лицу, имя которое нам не известно, и что часть его писем стала, вероятно, собственностью проф. математики Э. Хельдера (Ernst Hölder), мужа внучки Лескина, Рагны Лескин (Ragna Leskien). Шлимперт сообщает, что он от Марии Лескин ничего не мог узнать о главной части научного наследия ее свекра, у нее остались в это время (50-е годы) лишь дневники Лескина с 1892 по 1916 год, некоторые письма к невесте и две небольшие рукописи.

Переписка Лескина с Курциусом и с Шлейхером не была найдена. Никакого следа тогда было обнаружено о переписке между Лескином и Бернекером. Данные Шлимперта относятся к 50-м годам, кое-что до сих пор было выяснено, но тем не менее связи с семьей Лескина представляют определенный интерес. Др. Мария Лескин умерла еще в 50-х годах, а дорогой мой друг Герхард Шлимперт ушел от нас вскоре после воссоединения Германии.

III. О нашем совместном издании писем Лескина Бругманну

В 1981-ом году Шлимперту и мне удалось поместить первую часть писем Лескина Бругманну в выпуске журнала „Zeitschrift für Slawistik“, посвященном Августу Лескину по случаю colloquium, организованного под руководством проф. Эрнста Эйхлера (том 26, тетрадь 2, Berlin 1981, с. 222–238). Были опубликованы письма с № 1 по 12а (12 писем Лескина и одно письмо, № 12а, Бругманна). Эту первую часть публикации открывают две страницы вводного характера (см. с. 222–224). В том же 1981 году в 4-й тетради того же тома (с. 524–542) вышла вторая часть писем – № 13–30а, т. е. 19 писем Лескина и письмо № 30а, написанное супругой Лескина, Елизаветой Лескин (Elisabeth Leskien). Третья часть была опубликована в томе 28 (тетрадь 3, с. 440–464), она охватывает письма с № 31 до 62.

Изданию всех имеющихся в нашем распоряжении писем Г. Шлимперт предпослал короткую статью „Август Лескин в свете своих писем Карлу Бругманну“⁴.

Первые два письма написаны Лескином в литовской части Восточной Пруссии. Он находился во второй поездке к литовцам, которую предпринял в 1880 году вместе с Бругманном. Из-за нездоровья он остался в Восточной Пруссии, а Бругманн продолжил свои разыскания в российской части Литвы. Из Алленберга Лескин пишет Бругманну, что в южной части литовской территории Восточной Пруссии литовский язык уже почти полностью вымер. Здесь мы видим тесную переключку с вступительной лекцией Лескина в Лейпцигском университете „Die ausgestorbenen slavischen und litauischen Sprachen“⁵ in Norddeutschland“⁶ (22 июля 1871 года), где он высказал большие сомнения, что литовский язык в северо-восточной части Германской империи имеет какие-либо перспективы на будущее.

Две поездки Лескина к литовцам и одна поездка Бругманна вынуждают меня внести поправки в мои предшествующие работы. В статье об исследованиях Лескина в области балтистики⁷ было не достаточно учтено положение литовского языка в Бисмаркском Рейхе. В другой публикации⁸ в перечне поездок иностранных языковедов в Литву я совершенно забыл имя Фердинанда де Соссюра, который после учебы в Лейпцигском университете предпринял в 1880 году путешествие к литовцам, о чем в последние десятилетия были опубликованы новые данные⁹.

В начальной части корреспонденции Лескина с Бругманном значительное место занимает стремление Лескина помочь другу вернуться в Лейпцигский университет, в котором тот уже несколько лет работал перед своим временным переходом во Фрайбург. Из всех лингвистов Лескин считал Бругманна наиболее важным для развития индоевропеистики в Лейпциге.

В длительных спорах последней трети XIX века о приоритетных проблемах младограмматической школы Лескин, которому безусловно принадлежит в ней одно из ведущих мест, выступал очень скромно, показав исключительный пример личной сдержанности и честности.

4 G. Schlimpert. August Leskien im Lichte seiner Briefe an Karl Brugmann // Zeitschrift für Slawistik, том 26, тетрадь 2. Berlin 1981, с. 199-204.

5 В языкознании XIX века довольно часто вместо термина *балтийский* использовался *литовский* или *латышский*, например, встречаются *литу-славянский* вместо *балто-славянский*, *славяно-латышская группа языков* вместо *славяно-балтийская группа языков*. Такая терминология встречается и у Лескина.

6 Напечатанной в журнале „Im neuen Reich“, том I/2, Leipzig 1871, с. 325-337.

7 Rainer Eckert. Zu Leskiens baltistischen Forschungen // Zeitschrift für Slawistik, том 26, тетрадь 2, с. 201-202.

8 Rainer Eckert. Fakten zu den Litauenfahrten August Schleichers und anderer Sprachforscher // Lituanistinis Augusto Schleicherio palikimas = Das lituanistische Erbe August Schleichers, том 1, Vilnius 2008, с. 909-918 (то же по-литовски: с. 909-913).

9 См. Daniel Petit & Claudia Mejía Quijano. Du nouveau à propos du voyage de F. de Saussure en Lituanie // Cahiers Ferdinand de Saussure. № 61, Genève 2008, с. 133-157; Daniel Petit. New insights on Ferdinand de Saussure (1857-1913) // Baltic Linguistics, Vol. 1, Warsaw 2010, с. 143-166.

При обмене мыслями с Бругманном о развитии языковедения Лескин не раз приводил продуманные аргументы и убедительные доводы в пользу перспектив научной карьеры своего коллеги. Одновременно именно в таком интимном стиле как эпистолярное творчество он проявил глубокую личную симпатию к своему корреспонденту.

В переписке с Бругманном Лескин обсуждал и много частных вопросов индоевропеистики, конкретных языковых проблем и истории тех или иных слов как в славянских, так и в балтийских языках.

К сожалению, ответные письма Бругманна к Лескину пока не найдены. Но и доступная нам часть корреспонденции между двумя крупнейшими представителями сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков в последние десятилетия XIX и начале XX века содержит ценнейший материал для истории языкознания, а также сведения о личной жизни ученых и об их семьях, в целом о буднях того времени.

IV. Заключение

Почетное приглашение русских ученых принять участие в научном семинаре в честь Августа Лескина, запланированном в декабре 2020 года в моей родной Alma mater Moskoviensis, глубоко тронуло меня и одновременно исполнило чувством большой радости и законной гордостью.

В этой связи я хотел бы еще упомянуть, что Август Лескин в 1909 году стал Почетным членом Московского университета¹⁰, и когда он 14 июля 1914 года отмечал золотой юбилей защиты диссертации, в Лейпциг приехал официальный представитель Московского университета.

Еще в 1907 году Лескин стал Почетным членом Литовского научного общества в Вильнюсе.¹¹

Мне выпало большое счастье учиться свыше восьми лет в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и защитить здесь в 1961 году кандидатскую диссертацию „Основы на *-й- в праславянском языке“ под руководством моего незабвенного учителя проф. д-ра Самуила Борисовича Бернштейна. В стенах МГУ я имел возможность изучать русский язык, славянские языки, а также литовский у таких знатоков как Витаутас Мажюлис и Генрикас Забулис. Это открыло мне в дальнейшем путь в баллистику.

Славистика и баллистика, а также многолетняя деятельность в Лейпцигском университете роднят меня с великим предшественником – профессором Августом Лескином. Много глубоких дум и трогательных чувств будят теперь, на склоне моих лет, воспоминания о трехсеместровом семинаре по древне-церковнославянскому языку, который я в начале 60-х годов вел по-русски на основе фундаментальных учебников А. Лескина и А.М. Селищева.

10 См. <http://letopis.msu.ru/peoples/1756>

11 Algirdas Sabaliauskas. Žodžiai atgyja. Treias papildytas ir pataisytas leidimas, Vilnius 2000, c. 26.

**«Шлейхер и Лескин: почерк учителя в текстах ученика
(эпизод из истории науки о языке)»**

В докладе предлагается рассмотреть очевидное влияние идей и методов описания языка в работах А. Шлейхера на труды А. Лескина. Выбор тем научных исследований, композиция и стилистика работ Лескина (особенно ранних) обнаруживают явное влияние его учителя – А. Шлейхера. В этом контексте правомерно рассматривать младограмматиков (и Лескина как виднейшего представителя младограмматического направления) не как оппозицию Шлейхеру, а как естественное развитие его идеи в науке о языке.

К вопросу о фонологизации переноса ударения по закону де Соссюра

Согласно формулировке Ф. де Соссюра, данной им в статье «Литовская акцентуация» (1896), «в некоторую эпоху, предшествующую распадению на диалекты (которая во всём остальном не определена), ударение „регулярно переносилось на последующий слог, когда оно падало на слог с циркумфлексной (geschliffen) интонацией, непосредственно после которого находился слог с акутовой (gestossen) интонацией“. Таким образом, **laĩkyti* <‘держать’> (*aĩ + ý*) превращалось в *laikýti*, тогда как, например, *ráizyti* <‘вырезать’> (*ái + ý*) не изменяло места ударения» (Соссюр 1896/1977: 620). Каков был механизм фонологизации сместившейся вправо вершины акцентного контура в виде нового места ударения?

Сами по себе фонетические изменения, и вообще — фонетические явления, как известно, не осознаются носителем языка и не могут им сопоставляться ни между собой, ни с явлениями фонологическими — сопоставление единиц в фонологии происходит не «просто» на основе их «фонетического сходства», а на основе общности употребления в составе экспонентов значимых единиц. Это одно из фундаментальных положений школы Л. В. Щербы, ср. у В. Б. Касевича: «признаки, по которым отождествляются в процессе лингвистического анализа элементы текста, должны носить функциональный характер. Другими словами, отождествляются те элементы, которые обнаруживают определенную общность с точки зрения выполняемых ими функций, а эти функции в конечном счете сводятся к обеспечению выражения и восприятия смысла» (Касевич 1983: 8).

Перемещение ударения по закону де Соссюра не приводило к появлению новых единиц фонологической системы — не создавало невозможного ранее акцентного контура. Толчком к фонологизации нового места ударения, по-видимому, послужили случаи сближения нового контура с контуром, уже имевшимся в языке в пределах той же грамматической подсистемы. Например: в сфере склонения существительных **RANĶ-Ā* ‘рука’, Nom. Sg. (совр. *rankà*, 2 а. п.), превратившись в **RANĶ-Ā*, совпало по контуру с исконным **kalĶb-Ā* ‘язык’ (совр. *kalbà*, 4 а. п.); в суффиксальных производных **PIRŠT-ŪOT-as* ‘с пальцами’ (*PIRŠT-as*, 2 а. п., ‘палец’), превратившись в *PIRŠT-ŪOT-as*, совпало с исконным **kamĶp-ŪOT-as* ‘угловатый’ (*kamĶp-as*, 4 а. п., ‘угол’); в приставочных глаголах **sù-láuk-é* ‘(он) дождался’, перешло в **su-láuk-é* и совпало с исконным *su-LÁUKI-a* ‘ждется’; и т. п. Подобные примеры открыли дорогу для фонологизации нового места ударения и в других случаях (где совпадения контуров не происходило) — ср., например, Acc. Pl.: **RANĶ-ās* > **RANĶK-ās* (совр. *rankàs*), **kalĶb-ās* > **kalĶb-ās* (совр. *kalbàs*).

О реализации фонологического характера изменения (т. е. о фонологизации) свидетельствует 1) одинаковая дальнейшая судьба старой и новой формы и 2) подверженность результатов изменения грамматической аналогии. Оба свидетельства могут быть обнаружены при рассмотрении акцентологического изменения по закону де Соссюра.

1. Согласно закону Лескина (Leskien 1881), конечные акутированные слоги подверглись сокращению (*gerà* 'хорошая' < **gerā*) или претерпели циркумфлексивную метатонию (*duōs* '(он) даст' < **dúos*). Это изменение разрушило необходимую последовательность «циркумфлекс — акут» и засвидетельствовало фонологизацию места ударения на втором слоге: акцентные контуры *rankà* и *kalbà* остались одинаковыми и после исчезновения позиционной обусловленности первого из них. Так, изначально бывшее лишь фонетическим изменение акцентного контура **raĩkã* > **raĩ'kã* (> *rankà*) проявило свой фонологический характер.

2. Важным следствием фонологизации нового места ударения оказалось нарушение ясной его связи с акцентной силой морфем — связи, характеризовавшей балто-славянскую акцентологическую систему и описываемой древним контурным правилом: ударение падает на более сильную морфему, а в отсутствие таковой — на первую из равных по акцентной силе. Во всех случаях, когда имелась последовательность слогов, соответствующая условиям закона де Соссюра (-/~ + ~), ударение стали получать и не более сильные, и не первые среди равных морфемы, ср.: *RANK-à* (Nom. Sg.), *kalb-à* (Ins. Sg.), *RANK-às* (Acc. Pl.) и др. Это привело к аналогическим изменениям и возникновению акцентологически доминантных морфем, или категориального акцента. По аналогии с исконными *kaln-úOT-as* 'гористый' (*káln-as*, 3 а. п., 'гора') и *kamp-úOT-as* и возникшим по закону де Соссюра *PIRŠT-úOT-as* со временем появилось и *KRŪM-úOT-as* 'кустистый' (*KRŪM-as*, 1 а. п., 'куст', ср. более древнее *KRŪM-UOT-as* у Ф. Куршайтиса и др.) — суффикс *-UOT-as* стал доминантным, то есть получающим ударение независимо от акцентных свойств составляющих слово морфем.

Литература

- Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983.
- Соссюр Ф. де. Литовская акцентуация // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 620–632.
- Leskien A. Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen // Archiv für slavische Philologie. Bd. 5. Berlin, 1881. S. 188–190.

К. Мелчерт (Карборо, Северная Каролина)
И. С. Якубович (Институт Востоковедения РАН)

Новые глаголы силового воздействия в лувийских клинописных текстах

Лувийский язык, относящийся к анатолийской группе индоевропейской языковой семьи и являющийся, таким образом, близким родственником хеттского языка, засвидетельствован как в клинописи, так и в анатолийской иероглифической передаче. Лувийские иероглифические тексты уже были в целом изданы с переводами и комментариями (см., в первую очередь, Hawkins 2000), однако для большинства лувийских клинописных текстов наличествуют лишь публикации в транслитерации (Starke 1985). Это связано как с форматом лувийских клинописных текстов, в большинстве своем сохранившихся на мелких фрагментах глиняных табличек, так и с их содержанием. В основном мы имеем здесь дело с лувийскими заклинаниями, представляющими собой вкрапления в хеттские ритуалы, для дешифровки которых необходимо сравнение с формулами хеттских заклинаний, в свою очередь требующее анализа всего корпуса хеттских ритуалов. Вместе с тем материал лувийских клинописных текстов представляет большой интерес для лингвистов-индоевропейцев, поскольку, являясь древнейшими по времени памятниками лувийского языка, они сохраняют лексические, словообразовательные и словоизменительные архаизмы, не засвидетельствованные в более поздних лувийских иероглифических текстах. Филологическое издание лувийских клинописных текстов является одной из задач действующего международного проекта *Luwili: Luwian Religious Discourse Between Anatolia and Syria*.

Целью настоящего доклада является прояснение структуры лувийских заклинаний, содержащих рефлексы глагольных корней **seh₂* 'связывать' и **wed^h* 'бить'. При этом формы от глагола **seh₂* не содержат суффикса **-i-*, что является архаизмом по отношению к реконструкции данного глагола как **sh₂ei*, отраженной, в частности, в словаре (Rix 2001). Дешифровка заклинаний произведена на основании комбинаторного анализа, подкрепленного применением сравнительно-исторического метода. Исследование многочисленных производных от обсуждаемых корней расширяет наши сведения об исторической морфологии лувийского языка.

Литература

- Hawkins, J. David. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions, Volume 1: Inscriptions of the Iron Age*. Berlin – New York: de Gruyter.
- Rix, Helmuth. 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen* (2. Ausgabe). Bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Ipp, and Brigitte Schirmer. Wiesbaden: Reichert.
- Starke, Frank. 1985. *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. Studien zu den Boğazköy-Texten 30. Wiesbaden: Harrassowitz.

БАЛТО-СЛАВЯНСКОЕ И ГРЕКО-АРИЙСКОЕ УДАРЕНИЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

I. Литовская неподвижная парадигма и индоевропейские колебания:

греч. μήτηρ, лит. *mótė, móteris* (1) vs. др.-инд. *mātār*, о.-герм. **moder* (др.-исл. *moðr*, др.-в.нем. *muoter*, др.-англ. *mōðor*, др.-сакс *mōdor*, др.-фриз. *mōder*)

II. Маргинализация греческого акцента:

Греч. *Συγάτηρ* (гомеровский вин.п. *Σύγατρα*) = др.-инд. *duhitār*, лит. *duktė* (4); в греческом вторичная рецессия в сильных падежах многосложных имен: *χύων* — др.-инд. *śvā*, лит. *šiū* (4); если 1 слог из ларингала, закономерность не действует: *ἀνήρ* (аккузатив *ἄνδρα* — аналогия в результате падения корневого гласного)

III. Ударение в литовских подвижных парадигмах в сравнении с праиндоевропейскими:

Падеж	Единственное число				Множественное число			
	Баритонеза		Окситонеза		Баритонеза		Окситонеза	
	Лит.	И.-е.	Лит.	И.-е.	Лит.	И.-е.	Лит.	И.-е.
N	+	+	+	—	+	+	+	(—)
G	+	—	+	+	—	—	+	+
D	+	—	—	+	—	—	+	+
A	+	+	—	—	+	+	—	+
I	+	—	+	+	—	—	+	+
L	—	+	+	+	—	—	+	+

Окситонные N.sg. Gen.sg. характерны для литовских основ на *-i-*, *-u-*, *-ā-*. Инструменталь тягивает на себя ударение только в формах на *-mi*, менее архаичных, чем на *-u-*. Древнейшие формы индоевропейского локатива баритонны, но они вытеснялись окситонными (вед. *dyávi* — *diví* ‘на небе’).

IV. Греческий и литовский акцент.

1. Литовский акут — греческий акут: *mótė* — *μήτηρ*, *galvā* — *φορά*. Соответствие акутированного слога и ларингала самоочевидно.

2. Литовский циркумфлекс — греческий циркумфлекс: *laikĩ* — *λοιπὼν*, *galvōs* — *φορᾶς*, *vaikaĩs* — *φοροῖς*. Первые два примера, вне всякого сомнения, отражают контракцию. Сложнее обстоит дело в третьем примере. Др.-инд. *vṛkaiś* позволяет реконструировать флексию **-ōis*. Сокращение дифтонга в греческом свидетельствует о первичной (не контрактционной) долготе гласного, сократившегося перед группой «неслоговой сонант и согласный». П. Кипарский (Kiparsky 1973: 808) объясняет это явление тем, что прагреческое **-ōis* контаминировало с **-oisi* > *oihi* (микен. *-oi*). Разрыв дифтонга после падения аспера привёл к формированию слоговой акцентной структуры **|˘|*, т.е. к циркумфлексу. В литовском могло иметь место влияние им.п. мн.ч. *vilkaĩ*.

Флексия датива в литовском имеет циркумфлексную интонацию. Она безударна в любом склонении, т.е. на неё не передвигается акцент, как на номинативную ж.р. или инструментальную.

3. Литовский циркумфлекс — греческий акут: *pietiū̃* — *ποιμήν* (и другие имена на *-ō* + сонант); *galvā*, *baĩžda* — *φοράν*. Долгота конечного слога имён с основой — заменительное удлинение¹, древнегреческий акут (*φορούς* < *φορόνς*), литовский циркумфлекс. Группа VNM# → VM → -a; (аккузатив, циркумфлекс).

Греческий и литовский акут лучше всего соответствуют друг другу там, где они отражают ларингал, соответствие же греческого и литовского циркумфлекса указывает на вторичную долготу, возникшую в результате контракции, — или на первичную краткость.

¹ Это объяснение принадлежит В. Штрайтбергу (Streitberg 1892). Как показал Й. Расмуссен [Rasmussen 2001], этот процесс уже не имел место в период формирования глагольных парадигм, поэтому лат. *fur* < **fōr* < **bhor-s* сосуществует с 2 л. *fers* < **bher-s(i)*.

4. Литовский акут — греческий циркумфлекс. Ударения возникают в позиционных условиях. В литовском и славянских языках на корневом долгом гласном развивается акут по закону Хирта: др.-инд. *dhīmáḥ*, греч. *ἄμιος* — лит. *dī́mas* ‘дым’, др.-инд. *vīráḥ* — *výras* ‘муж’, при этом парадигма становится неподвижной. Греческий циркумфлекс обязателен на долгом предпоследнем слоге, если последний краток. Прямых соответствий литовского акута греческому циркумфлексу, по-видимому, нет

V. Функционально имена с подвижной парадигмой в литовском подобны окситонным в греко-арийском: они имеют тенденцию обозначать одушевлённые сущности, деятелей. С этим связано то, что подавляющее большинство прилагательных относятся к 3 и 4. а.п. Иногда литовские имена сохраняют архаизм: *vīl̃kas* (4) vs. греч. *λύκος*, др.-инд. *vṛ̥kaḥ*. 0 степень вокализма указывает на изначальную окситонность имени.